

КОНКОРДИЯ
АНТАРОВА

Книга 6

ДВЕ
ЖИЗНИ

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Золотой фонд эзотерики

Конкордия Антарова
Две жизни. Книга 6

«ЭКСМО»

1993

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антарова К. Е.

Две жизни. Книга 6 / К. Е. Антарова — «Эксмо»,
1993 — (Золотой фонд эзотерики)

ISBN 978-5-04-242906-4

"Книга, которая зажигает сердца" - самый частый отзыв читателей не одного поколения любителей литературных открытий. В романе изложены основы философско-эзотерических знаний и психологических закономерностей духовного развития человека. Борьба добра и зла, магии, погони и преследования, интриги и любовь - этот роман вобрал в себя все, что пробуждает воображение и сознание. Главный герой не чародей из фэнтези, а ученик духовных Учителей Востока. Знания, которые он получает от них, принесут реальную практическую пользу каждому читателю.

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242906-4

© Антарова К. Е., 1993
© Эксмо, 1993

Содержание

Глава 10	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Конкордия Антарова
Две жизни
Часть 3. Книга 2

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2025

Глава 10

Ночное посещение новых мест Общины. Новые люди и мои новые встречи-уроки

Когда я вышел из дома на улицу, Франциск взял меня под руку и сказал:

– Пойдём, Лёвушка, я хочу показать тебе одну часть Общины, которую ты ещё не видел.

Я предположил, что Франциск не знает, что я уже однажды провёл ночь в парке и видел ночную жизнь Общины в дальних долинах и домах, где братья и сёстры Общины оказывали помощь странствующим страдальцам. Но Франциск повернул в совершенно другую сторону, уводя меня по дороге к озеру.

– Уже наступает вечер, Лёвушка, ты пропустил ужин. Вот тебе немного фруктов и хлеба. Я захватил их для тебя. Путь наш не слишком далёк, но вернёмся мы только к утру, и другого времени поесть у тебя не будет. Ты можешь удивиться, почему я взял тебе так мало и такой скромной еды. Но, видишь ли, в пути надо стараться есть мало. Вообще, если человек действительно ищет высокого ученичества, он должен приучить свой организм питаться так, чтобы не чувствовать постоянной и несносной потребности в пище. Нельзя думать, что, не умея подчинить определённой дисциплине свой аппетит, можно достичь духовного совершенства или психического самообладания. Тот, кто не умеет организовать свой день так, чтобы питание – совершенно необходимое каждому телу, живущему на земле, – укладывалось в строгий порядок обычного трудового дня, не может и психику свою подчинить стройной и строгой системе, ведущей к самообладанию.

Человек, поддающийся соблазну постоянного ощущения голода, ищущий каждую минуту, чем бы занять свой рот и желудок, ничем не отличается от обжоры, жиреющего на изысканных яствах. В духовном ученичестве нет особых строгостей в пище, как это ставят себе условием монахи. И в ученичестве воздержание не может составлять ограничения для человека, стремящегося вступить на тот высокий путь, где можно встретить Учителя.

Путь к Учителю до тех пор не может быть найден, пока в сознании человека живут представления: ограничить себя из принципа, отказать себе из принципа. До тех пор, пока у человека живёт мысль об отказе себе в чём-то только из принципа, он не выше тех, кто ищет наживы для себя. Мысли его вертятся вокруг себя точно так же, как и мысли ищущих наживы. И человек движется не в Вечное, а только к расширению и усовершенствованию собственной личности.

Не подвигами как таковыми продвигаются вперёд наши ученики, братья и сёстры. В пути освобождения продвигаются только любовью. И тот, кто любит, не видит подвига в своём ограничении в пище в пользу своего ближнего. Он любит и радуется, поддерживая временную физическую форму брата, как и радуется, служа его Вечному.

Перед тобой сегодня откроются двери дома, где живут люди, всю жизнь искавшие Истину. Ты увидишь людей, страстно стремящихся сюда, подобно тому, как миллионы людей стремятся поклониться Гробу Господню. Будь бдителен. Не внеси в этот дом осуждающего взгляда. Несомненно, ты и здесь увидишь тех, чьи духовные искания были исканиями в кавычках. Ты увидишь, что они объединены в иных местах и не могли быть допущены в Общину не потому, что кто-то их выбирал или из них отбирал кого-то, чтобы объединить их в том месте, куда мы идём. Их всех объединило общее для них свойство: сомнение. Они не имели силы духа развить в себе верность до конца. В каждой поданной им вести им хотелось одно принять, другое отбросить, что-то поправить на свой лад, чему-то придать своё толкование. Ни одного человека, который им принёс весть от нас, они не сумели принять в своё сердце просто, легко и радостно. Каждый казался им легкомысленным, неустойчивым, вспыльчивым, неправильно

их понимающим. Сами же они не замечали, как терзали своим непониманием тех, кто пришли к ним посланниками от нас.

Не входи же, друг, сейчас к ним, закрыв хоть один лепесток сердца. Раскрой его, как врата, чтобы сила радости в тебе могла разбить их предрассудочное самолюбование. Это последнее слово не пойми как влюблённость в самих себя. Нет, оно употреблено мною только для выражения их основного признака: субъективности. Субъективно видящий Вселенную не может войти в Общину, так как ему в ней нечего делать, нечем дышать. Для такого человека Община подобна воздуху высокой горы, где он сейчас же заболит горной болезнью.

Мы медленно прошли мимо селения за озером и вошли в пальмовый лес, которого я ещё не видел и даже не предполагал, что он существует. Спустилась жаркая ночь. Меня окружали тёмное небо с низкими яркими звёздами, какие-то особые ароматы неизвестных мне цветов и трав, дивные звуки ночного леса, чудесный, ласковый голос Франциска... Я шёл, жил, дышал, и всё – от бежавшего рядом Эты до голоса и руки моего друга – казалось мне нереальным, так сказочно было оно прекрасно.

Некоторые слова Франциска, совпадавшие со словами, только что прочитанными мною в записях брата, поражали меня. Я не мог ответить самому себе на вопрос, *что* именно волновало меня особенно, но шёл с сознанием того, что сейчас увижу людей, потерявших напрасно целую жизнь, хотя и думавших при этом, что они несут в руках светоч.

– Мы подходим, Лёвушка. Нет, ты не думай так трагически о людях, не имевших сил войти в Общину. Ты думай только о том, что высокий путь *не может* быть познан теми, кто не трудился в земных условиях. Труд человека, проведшего большую часть жизни в постели, не знавшего дисциплины труда и не достигшего самодисциплины, не умевшего жить в чистоте, не может привести его мысль в то русло, где научаются раскрывать в себе психические силы. Раскрывать хотя бы настолько, чтобы своею волей-любовью дать им выход и возможность *уловить* вибрации высоких путей. Думай об их несчастье и об их желании достичь нас, об их собственной дисгармонии, которую они не имели сил в себе заметить за всю свою жизнь, а именно она-то и составляла их препятствие на пути к нам. Люби, жалей их, Лёвушка, неси им мужество, чтобы помочь им в момент разочарования и скорби о собственном невежестве, когда они его осознают.

Мы подошли к домикам, разбросанным в очаровательном саду. Кое-где в окнах ещё мелькали огни, но людей не было видно. Два огромных дога, которых Эта ничуть не испугался, бросились к Франциску, приветствуя его как старого друга. Ответив им на их ласку, Франциск положил мои руки на высокие шеи собак. Животные вздрогнули, как будто я их ударил, но сейчас же склонили головы и лизнули мне руки.

– Ну вот, ты уже принят этими чудесными сторожами в число друзей. Теперь ты можешь свободно входить сюда и во все окрестные дома. Они уже сами оповестят о тебе всех собак здесь и дальше. Как они это делают – это их тайна. Но однажды подружившийся с ними обретает дружелюбие всех наших собак, среди которых немало и свирепых.

Франциск подвёл меня к подъезду, вернее, к крылечку одного из дальних домов. Как только мы вошли в сени, ведущие в широкий коридор, несколько дверей сразу открылось, и из них выглянули лица старых людей. Довольно грубый голос из самого конца коридора неприветливо спросил:

– Кто это так поздно беспокоит нас? Разве мало было времени днём, чтобы нас навещать?

Остальные фигуры хранили молчание, но я почувствовал совершенно иную атмосферу в этом доме, чем во всех других домах Общины, где мне случалось до сих пор бывать. Конечно, это была не враждебность по отношению к нам, но какая-то новая для меня настороженность, какой я нигде в Общине не встречал.

– Не беспокойся, милый брат, мы пришли не к тебе и не к тем, кто сейчас выглянули из своих дверей. Ты в претензии на нас, что мы нарушили твой покой, после того как лично тебе

было предписано твоим старцем молчание. Но для чего же ты его нарушил? Разве старец твой дал тебе в качестве урока послушания караулить всех входящих в этот дом?

Франциск направлялся в конец коридора, откуда слышался голос, и теперь я мог рассмотреть говорившего. Это был высокого роста монах в обычной монашеской одежде. Лицо у него было бледное, с чёткими, довольно правильными чертами, с большими беспокойными чёрными глазами, с массивным, почти квадратным подбородком и с тонкими сжатыми губами. В нём не было ничего особенного и неприятного; по всей вероятности, он был человеком добрым. Но раздражённостью и строптивостью он поразил меня среди мирных и светлых лиц, к которым я привык в Общине. Он сурово смотрел на нас.

«Искатель Истины», – мелькнуло в моём уме в связи с прочитанным мною в записях брата и тем, что говорил мне Франциск. Когда мы подошли вплотную к монаху и Франциск остановился подле него, улыбаясь ему, в том произошла молниеносная перемена.

– Ах, это ты, брат-спаситель, которого мне обещал мой старец. – Голос монаха прозвучал много мягче, и я ещё раз почувствовал, что он человек добрый. – Я так ждал тебя, я прошёл тысячу с лишним вёрст пешком только затем, чтобы тебя увидеть. А меня заперли в этом доме, где я, кроме одержимых глупцов, никого не вижу. Подумай, как долго я тебя ждал, как мучился и уже отчаивался, что не смогу тебя найти. Хотел было уходить обратно. Подумай, целый месяц я уже здесь сижу взаперти, и только урывками, мельком, видел тебя несколько раз и ни разу ещё не перемолвился с тобой ни словечком. – На этот раз в голосе монаха слышались упрёк и протест.

– Что ты, друг? Разве у нас кого-нибудь запирают? Дома открыты день и ночь, кругом идёт неумолчная жизнь. И на все свои нужды каждый человек получает ответ. По одежде твоей я вижу, что ты ещё не успел и пыль стряхнуть. Ноги твои в песке, значит, ты выходил, был в горах, вернулся только что и, даже не совершив омовения, вошёл в комнату. Разве старец твой не дал тебе трёх зарок?

– Да разве старец мой писал тебе о них? Как можешь ты знать что-либо о моих зарок? Да и старец мой малограмотный и писать тебе он ничего не мог. – Чувствовалось, что монах, говоря это, всё больше впадал в раздражение.

– Старец твой сказал тебе, мой друг: «Пока не утвердишься в трёх вещах, не встретишь Тех, что служат Истине.

Первое: вставай с солнцем, улыбнись дню и начинай трудиться для первого встречного, который нуждается в твоей помощи. Всё равно, в чём будет состоять твоя помощь, лишь бы *первым* делом твоего дня был труд для ближнего.

Второе, что он тебе сказал: не считай свою улыбку проявлением редкостного милосердия, но с неё начинай каждый свой день и каждый привет встречному.

Третье: прежде чем пройти в келью, прежде чем притронуться к пище, соверши омовение».

Вот заветы твоего старца. Что же из этих заветов ты, друг, выполнил сейчас? Явил ли ты нам улыбку приветия? А сам говоришь, что ты меня ждал. Умылся ли ты перед ужином? Вошёл ли ты в келью чистым?

Монах молчал, остро вглядываясь во Франциска, и беспокойство на его лице росло.

– Я тебя очень прошу, брат, сказать, пришёл ли ты за мной или нет. Что я сделал и делаю, про то я сам знаю. Помощи я твоей не прошу, сил я сам в себе для всего найду. Я спрашиваю: идти ли мне за тобой сейчас? – вымолвил он наконец.

Мне было ясно, что в сердце монаха боролись два чувства: гордость и благоговение, что ясно звучало в его голосе. Гордость заставляла его протестовать, а благоговение перед любовью Франциска, которая струилась на него потоком, заставляло его сердце преклоняться.

– Я уже сказал тебе, друг, что пришёл не к тебе. Твоё любопытство к чужой жизни, к чужому пути заставило тебя выйти и посмотреть на нас. Пойми, человек не может измениться

только потому, что переменял место. Ты всю жизнь ищешь Бога, ищешь святого пути, ищешь глубины правды, а не можешь ни одного дня прожить в мире и гармонии, хотя переменял тысячу мест. Ты ждал меня, говоришь? Но что же ты приготовил, чтобы меня встретить? Где тот цветок радости и умиротворения, который дарят другу как знак приветия при встрече? Ты не сможешь и десяти шагов пройти за мной, потому что душа твоя в бунте, и ты задохнешься, следуя за мной. Здесь тебе не место. Сколько бы ты тут ни жил, ты не сможешь подойти ко мне. Вскоре придет за тобой мой старший брат. Он увезет тебя отсюда в дальний скит. Там ты научишься, как ввести в свою жизнь три завета, данные тебе в послушание старцем, и только тогда сможешь вернуться сюда. Вернешься, когда поймешь, что вся ценность жизни на земле – в её встречах с людьми, в умении отдать каждой из них не яд собственного «я», но силу бодрости, забыв о себе и думая о тех, кого ты встретил. Ты научишься начинать каждую свою встречу в радости, и в радости же её заканчивать. Успокойся. Не мечи молний из глаз и сердца, пойми кроткую силу Любви. Она одна может привести тебя ко мне, если ты искал всю жизнь пути Любви. Не считай силой напор воли. Считай силой одну радость.

Монах стоял бледный, потрясённый. Мне казалось, что в любую минуту он может впасть в бешеный протест, вызванный глубочайшим разочарованием, постигшим его здесь в его исканиях и ожиданиях.

Мы сделали ещё несколько шагов, и Франциск стал подниматься по лестнице, которой я сначала и не заметил. Наверху оказался такой же широкий коридор, как и внизу, и единственным живым существом, встретившим нас здесь, был большой лохматый пёс весьма свирепого вида; он был такой породы, каких я ещё никогда не видел. Он, как тигр, выскочил навстречу нам, но, узнав Франциска, оскалил зубы, точно улыбаясь. На меня он смотрел враждебно до тех пор, пока Франциск не положил моей руки ему на голову и не погладил его лохматых ушей, улыбаясь и ласково ему говоря:

– Экой ты, братец, строптивец! Ведь я тебе уж сколько раз говорил, что надо улыбаться всем, кто со мной приходит. А ты снова только для меня одного бережешь свои улыбки.

Пёс, точно понимая упрек Франциска, лизнул мне руку. Погладив ещё раз животное, Франциск постучал в одну из дверей, и слабый старческий голос попросил войти.

Я был поражён, когда мы вошли в комнату. За это время я уже привык видеть во всех комнатах Общины образцовый порядок и не встречал случаев, чтобы люди лежали в постели, если они не спали и не были больны.

В этой же комнате царил полный беспорядок, и на постели лежала старенькая женщина, вся в глубоких морщинах, одетая и обутая. Несмотря на очень жаркий вечер, старушка была одета в нечто вроде ватной безрукавки, возле неё лежал тёплый платок, рядом на стуле стояла чернильница. Старушка держала в руках кусок тонкой пальмовой доски с листом белой бумаги на нём и что-то писала. Она не сразу рассмотрела Франциска, и что-то вроде недовольства мелькнуло на её лице, когда она его узнала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.